

1. Прочитайте статью о жизни и творчестве И.А. Бунина и сделайте краткий конспект.
2. Прочитайте рассказ И.А. Бунина «Господин из Сан-Франциско».
3. Ответьте письменно на вопрос: «Как выражена тема обреченности мира в рассказе «Господин из Сан-Франциско»?»
4. Посмотрите фильм о жизни писателя «Дневник его жены», реж. А. Учитель, 2000 г.

Жизнь и творчество И.А.Бунина.

Детство будущего писателя, родившегося в Воронеже, в 1870-м, в семье орловских помещиков, прошло на хуторе Бутырки, под Ельцом.

Принадлежа к одному из самых знатных «литературных» родов, даровавшему русской словесности Василия Жуковского и поэтессу Анну Бунину, мальчик уже с семи лет начал писать стихи.

Отчисленный из гимназии за неуспеваемость, он получил домашнее образование под руководством брата Юлия.

В 1887—1892 гг. появляются первые публикации стихов и критических статей, потом и рассказов И. Бунина.

В 1900 г. рассказ Бунина «Антоновские яблоки» признан шедевром новейшей прозы.

В 1903 г. Бунину присуждена Пушкинская премия Российской академии наук за поэтический сборник «Листопад» и перевод «Песни о Гайавате».

В 1915 г. в издательстве А. Ф. Маркса выходит полное собрание сочинений Бунина.

Трагически пережив Октябрьский переворот, Бунин вместе с женой Верой Николаевной Муромцевой уезжает в эмиграцию.

После целого ряда испытаний Бунины остаются во Франции, где пройдет практически вся вторая половина жизни писателя, отмеченная написанием 10 книг, сотрудничеством с ведущим «толстым» журналом русского зарубежья «Современными записками», созданием романа «Жизнь Арсеньева».

В 1933 г. Бунин становится первым русским писателем, удостоенным Нобелевской премии «за правдивый артистичный талант, с которым он воссоздал в художественной прозе типичный русский характер».

В дневнике Бунина от 20.10.1933 года читаем:

«Нынче проснулся в 6.30. Лежал до 8, немного задремал. Сумрачно, тихо, испещрено чуть-чуть дождем возле дома.

Вчера и нынче невольное думанье и стремление не думать. Все-таки ожидание, иногда чувство несмелой надежды — и тотчас удивление: нет, этого не может быть!..

Да будет воля Божия — вот что надо твердить. И, подтянувшись, жить, работать, смириться мужественно».

В 1934 г. в берлинском издательстве «Петрополис» начинает выходить 11-томное собрание сочинений Бунина, которое он сам будет считать наиболее полно выражающим авторскую волю.

Во время немецкой оккупации Франции в грасском убежище Буниных прячутся разыскиваемые евреи.

В 1943 г. в Нью-Йорке выходит вершинная книга бунинской прозы «Темные аллеи».

В конце 1940-х Бунин осторожно идет на сближение с советскими представителями во Франции, обсуждает возможность издания своих сочинений в СССР; однако вернуться, в конце концов, отказывается.

Он умер в эмиграции.

8 ноября 1953 г. писатель похоронен на русском кладбище под Парижем.

И. А. Бунин в воспоминаниях современников.

Борис Зайцев.

«Всегда он мне нравился. С самых юных лет, когда я был начинающим писателем, а он уже известным, он мне именно нравился “бессмысленно” и бездумно: как нравится лицо, закат, запах леса. Кончая жизнь и о нем думая, нахожу, что относился к нему, собственно, как к явлению природы — стихии. В его облике, фигуре, движениях, манере говорить, неповторимой одаренности всегда было для меня некое обаяние, вне разумное.

Первые встречи связаны с Москвой — молодой богемой левого литературного направления (сам он к ней не принадлежал, но бывал у нас). А с другой стороны, оба мы были членами вовсе противоположной “Середы”, кружка более взрослых писателей-реалистов.

“На половине странствия нашей жизни...” лет в тридцать пять, был он изящен, горд, самоуверен. В большую публику не проходил. Горький, Андреев шумел, он — нет. Но прочная литературная оценка его росла. В 1910 году выбрали его и в академию, по разряду словесности”.

Война, годы предреволюционные и сама революция сильно нас разбросали. Только тут, в эмиграции, жизнь снова сблизила. Встречались постоянно и в Париже, но особенно остался в душе Грасс, милая вилла “Бельведер”, скромная, с поразительным видом на Канн, море, горы Эстерель направо. Юг, солнце, свет, необъятная ширь, запах лаванды, тмина — порождение Прованса — и вообще дух поэзии, окружавший жизнь Ивана, Веры, молодых писателей-друзей, с ними живших (Л. Зуров, Галина Кузнецова).

По утрам трое мы строчили каждый свое в верхнем этаже, моя Вера с Верой Буниной (подруги с юношеских лет, еще в Москве) вели женские свои разговоры, а внизу в большом светлом кабинете Иван писал какую-нибудь “Жизнь Арсеньева” или “Цикады”. Весь в белом, тонкий, изящный, теперь уже много старше, чем в Москве во времена “Середы”, но легкий и быстрый, как прежде, опять нравился как-то художнически: ну вот, особое существо, даровитейшее в каждом слове, движении, — пусть характер нелегкий (не всем легкими быть, выдающимися же особенно), но какой-то человек-стихий. Все в нем земное, в некотором смысле языческое. Мережковский сказал о Толстом:

“Тайновидец плоти”, — верно. Бунин Толстого обожал. Ему нравилась даже форма лба его. “Ты подумай, ведь как у зверя надбровные...”. В юности, как это ни странно, Иван был даже одно время толстовцем (о чем сам писал). С годами это ушло, преклонение же перед Толстым — толстовской зоркостью, изобразительностью осталось.

У самого Ивана внешней изобразительности чуть ли не больше, чем у Толстого. Почти звериный глаз, нюх, осязание. Не хочу сказать, что был для него закрыт высший мир — чувство Бога, вселенной, любви, смерти: он это все тоже чувствовал с неким азиатско-буддийским оттенком. Будда был ему чем-то близок. Но вот чувство греха, виновности вполне отсутствовало. “Нет, дорогой мой, я никого не убивал, не крал ничего...”, — не сомневаюсь, и никто его в этом не подозревал. В общем же «тайновидец плоти» был ему ближе Будды. А к концу жизни самая эта плоть, которая у него к старости и ослабела,

существом его как раз и завладела очень, стала как бы даже душить объятиями своими. (Зайцев Б. К. Голубая звезда. — М., 1989.)

Нина Берберова.

«Как я любила его стиль в разговоре, напоминавший героя “Села Степанчикова” Фому Фомича Опискина: “Называйте меня просто Ваше превосходительство”, и его крепкое рукопожатие, разговоры о родинках” и “дворянских ушах” и вообще обо всем «дворянском» — я такого, конечно, не слыхала никогда даже от дедушки Караулова! Здесь было что-то древнее, феодальное, а ему вместе с тем всегда хотелось быть с молодыми, самому быть молодым. Как я любила его рассказы (взятые готовыми из старых повестей) о собаках — муругих, брудастых... ; о трактирах на главной орловской улице — поди, проверь их, вероятно, половина выдуманна вот сейчас, на месте, а все вместе — чудо как хорошо!

Если Зинаида Николаевна (Гиппиус) и Дмитрий Сергеевич (Мережковский) при первом знакомстве учиняли собеседнику некий экзамен (“како веруеши?”), то Бунин делал это совсем по-другому, не “како веруеши?”, а какое на тебя произвожу впечатление? А ну еще? А это как? Он немного тянул слова (по-барски или по-московски? Или как “у нас, в Белевском уезде?”) и все время, когда говорил, взглядывал на меня, стараясь прочитывать в моем лице впечатление, которое он на меня производит...

- А стихи мои вам, конечно, не нравятся?

- Нет... нравятся... но гораздо меньше вашей прозы.

Это было его больное место, я еще тогда не знала этого.

Но уже через год он вернулся в наших разговорах к теме стихов и прозы, наболевшему вопросу всей его жизни. Он сказал мне однажды в Грассе, куда я ездила к нему:

- Если бы я захотел, я бы смог любой из моих рассказов написать стихами. Вот, например, “Солнечный удар” - захотел бы, сделал бы из него поэму.

Я почувствовала неловкость, но сказала, что верю. Я была поражена этими словами: он, видимо, думал, что любой “сюжет” можно одеть в любую, так сказать, наложить форму на содержание, которое рождалось самостоятельно, как голый младенец, для которого нужно выбрать платье...

Характер у него был тяжелый, домашний деспотизм он переносит и в литературу. Он не то что раздражался, сердился, он приходил в бешенство и ярость, когда кто-нибудь говорил, что он похож на Толстого или Лермонтова или еще какую-нибудь глупость. Но сам возражал на это еще большей нелепицей.

- Я - от Гоголя. Никто ничего не понимает, Я из Гоголя вышел.

Окружающие испуганно и неловко молчали. Часто бешенство его переходило внезапно в комизм, в этом была одна из самых милых его черт.

-Убью! Задушу! Молчать! Из Гоголя я!..

Он любил смех, он любил всякую “освободительную” функцию организма и любил все то, что вокруг и около этой функции. Однажды в гастрономическом магазине он при мне выбирал балык. Было чудесно видеть, как загорелись его глаза, и одновременно было чуть стыдно приказчика и публики. Когда он много раз потом говорил мне, что любит весну, что не может примириться с мыслью, что будут весны, а его не будет, что не все в жизни он испытал, не все запахи перенюхал, не всех женщин перелюбил (он конечно, употребил другое слово), что есть еще на тихоокеанских островах одна порода женщин, которую он никогда не видел, я всегда вспоминала этот балык. И, пожалуй, я могу теперь сказать: насчет женщин это все были только слова, не так уж он беспокоился о них, а вот насчет

балыка или гладкости или холености собственного тела — это было вполне серьезно... (Берберова Н. Курсив мой. // Октябрь, 1988, № 11.)

Иван Бунин о себе.

«Я происхожу из старого дворянского рода, давшего России немало видных деятелей как на поприще государственном, так и в области искусства, где особенно известны два поэта начала прошлого века: Анна Бунина и Василий Жуковский, один из корифеев русской литературы, сын Афанасия Бунина и пленной турчанки Сальмы.

Все предки мои всегда были связаны с народом и с землей, были помещиками.

Помещиками были и деды и отцы мои, владевшие имениями в средней России, в том плодородном подстепье, где древние московские цари, в целях защиты государства от набегов южных татар, создавали заслоны из поселенцев различных русских областей, где, благодаря этому, образовался богатейший русский язык и откуда вышли чуть ли не все величайшие русские писатели во главе с Тургеневым и Толстым.

Я родился 10 октября 1870 года в городе Воронеже. Детство и юность почти целиком провел в деревне. Писать начал рано. Рано появился в печати. Критики обратили на меня внимание довольно скоро. Затем мои книги не раз были отмечены высшей наградой Российской Академии наук премией имени Пушкина... В 1909 году эта Академия избрала меня в число двенадцати почетных Академиков. Однако известности более или менее широкой я не имел долго: я несколько лет, после появления в печати моих первых рассказов, не писал и не печатал ничего, кроме стихов; я не касался в своих произведениях политической и общественной злободневности; я не принадлежал ни к одной литературной школе, не называл себя ни декадентом, ни символистом, ни романтиком, ни реалистом; а меж тем судьба русского писателя за последние десятилетия часто зависела от того, находился ли он в борьбе с существующим государственным строем, вышел ли он из “народа”, был ли он в тюрьме, в ссылке, или же от его участия в той “литературной революции”, которая, — в большой мере из-за подражания Западной Европе, столь шумно проделывалась в эти годы среди быстро развивавшейся в России городской жизни, ее новых критиков и новых читателей из молодой буржуазии и молодого пролетариата. Кроме того, я мало вращался в литературной среде. Я много жил в деревне, много путешествовал по России и за границей; в Италии, в Турции, на Балканах, в Греции, в Палестине, в Египте, в Алжире, в Тунисии, в тропиках. Я, как сказал Саади: “стремился обозреть лицо мира и оставить в нем чекан души своей”, меня занимали вопросы психологические, религиозные, исторические. Двенадцать лет тому назад я напечатал “Деревню”. Это было начало целого ряда произведений, резко рисовавших русскую душу, ее своеобразные сплетения, ее светлые, темные, но почти всегда трагические основы.

В русской критике и в среде русской интеллигенции, где в силу многих своеобразных условий, а за последнее время и просто в силу незнания народа или политических соображений, народ почти всегда идеализировался, эти «беспощадные» произведения вызывали очень страстные отклики и в конечном итоге принесли мне то, что называется успехом, который еще более укрепил мои последующие работы. В эти годы я чувствовал, как с каждым днем все более крепнет моя рука, как горячо и уверенно требуют исхода накопившиеся во мне силы. Но тут разразилась война, а затем русская революция».

(Бунин И. А. Собрание сочинений в 6 т. Т. 6 — М., 1988.)

Бунин: «Писать стихи надо каждый день, подобно тому, как скрипач или пианист непременно должен каждый день по несколько часов играть на своем инструменте. А о

чем писать? О чем угодно. Если у вас в данное время нет никакой темы, идеи, пишите просто обо всем, что увидите...

Каждый предмет из тех, какие окружают вас, каждое ваше чувство есть тема для стихотворения. Прислушивайтесь к своим чувствам, наблюдайте окружающий вас мир и пишите... Будьте в искусстве независимы. Этому можно научиться. И тогда перед вами откроется неисчерпаемый мир подлинной поэзии. Вам станет легче дышать».

Анализ стихотворения И. Бунина «Последний шмель».

- В 1916 году перед самой катастрофой Октябрьского переворота вместе с рассказами «Последняя весна», «Последняя осень» появляется стихотворение Бунина «Последний шмель». Не случаен эпитет «последний» в этих произведениях. Но что он означает? Давайте вместе разберемся: о чем это стихотворение?

Последний шмель

Черный бархатный шмель, золотое оплечье,
Заунывно гудящий певучей струной,
Ты зачем залетаешь в жилье человекье
И как будто тоскуешь со мной?
За окном свет и зной, подоконники яркие,
Безмятежны и жарки последние дни,
Полетай, погуди в засохшей татарке,
На подушечке красной, усни.
Не дано тебе знать человеческой думы,
Что давно опустели поля,
Что уж скоро в бурьян сдует ветер угрюмый
Золотого сухого шмеля!

Анализ рассказа «Господин из Сан-Франциско».

В своем творчестве Бунин продолжает традиции русской классики. Следом за Толстым, философом и художником, Бунин обращается к широчайшим социально-философским обобщениям в рассказе «Господин из Сан-Франциско», написанном в 1915 году, в разгар первой мировой войны.

В рассказе «Господин из Сан-Франциско» заметно мощное влияние Льва Толстого - философа и художника. Подобно Толстому Бунин судит людей, их тягу к наслаждениям, несправедливость общественного устройства с точки зрения вечных законов, управляющих человечеством.

Мысль о неотвратимой гибели этого мира с наибольшей силой отразилась в данном рассказе, в котором, по словам критика А. Дермана, «с какой-то торжественной и праведной печалью художник нарисовал крупный образ громадного зла — образ греха, в котором протекает жизнь современного гордого человека со старым сердцем».

Гигантская «Атлантида» (с именем затонувшего мифического континента), на которой путешествует к острову наслаждений — Капри — американский миллионер, — это своего рода модель человеческого общества: с нижними этажами, где без усталости снуют ошалевшие от грохота и адской жары рабочие, и с верхними, где жуируют привилегированные классы.

Обнажая паразитизм «пар чистых», населяющих этот цивилизованный ковчег, пассажиры «Атлантиды» утром «пили кофе, шоколад, какао; затем садились в ванны, делали гимнастику, возбуждая аппетит и хорошее самочувствие, совершали дневные туалеты и шли к первому завтраку; до 11 часов полагалось бодро гулять по палубам..., а в 11 — подкрепляться бутербродами с бульоном; подкрепившись, с удовольствием читали газету и спокойно ждали второго завтрака, еще более питательного и разнообразного, чем первый...»

И. А. Бунину достаточно лишь несколько штрихов, чтобы мы могли увидеть всю жизнь американского миллионера. Некогда он выбрал себе образец, на который хотел равняться, и после долгих лет напряженного труда он наконец понял, что добился того, к чему стремился. Он богат.

И герой рассказа решает, что настал тот момент, когда он может насладиться всеми радостями жизни, тем более, что у него есть для этого деньги. Люди его круга ездят отдыхать в Старый Свет — едет туда и он. Планы героя обширны: Италия, Франция, Англия, Афины, Палестина и даже Япония. Господин из Сан-Франциско поставил своей целью наслаждаться жизнью - и он ею наслаждается, как умеет, точнее, ориентируясь на то, как это делают другие. Он много ест, много пьет.

Деньги помогают герою создать вокруг себя подобие декорации, которая ограждает от всего, чего он не желает видеть.

Но именно за этой декорацией проходит живая жизнь, та жизнь, которую он никогда не видел и никогда не увидит.

Кульминацией рассказа является неожиданная смерть главного героя. В ее внезапности заложен глубочайший философский смысл. Господин из Сан-Франциско откладывает свою жизнь на потом, но никому из нас не суждено знать, сколько отведено нам времени на этой земле. Жизнь нельзя купить за деньги. Герой рассказа приносит на алтарь наживы молодость ради умозрительного счастья в будущем, он и не замечает, как бездарно прошла его жизнь.

Господину из Сан-Франциско, этому бедному богачу, противопоставлена эпизодическая фигура лодочника Лоренцо, богатого бедняка, «беззаботного гуляки и красавца», равнодушного к деньгам и счастливого, полного жизни. Жизнь, чувства, красота природы — вот что является, по мнению Бунина, главными ценностями. И горе тому, кто сделал своей целью деньги.

И. А. Бунин не случайно вводит в рассказ тему любви, потому что даже любовь, высочайшее чувство, оказывается искусственным в этом мире богачей.

Именно любовь для своей дочери не может купить господин из Сан-Франциско. А она испытывает трепет при встрече с восточным принцем, но не потому, что он красив и может волновать сердце, а потому, что в нем течет «необычная кровь», потому что он богат, знатен и принадлежит к знатному роду.

И высшая ступень опошления любви — пара влюбленных, которыми восхищаются пассажиры «Атлантиды», не способные сами на столь же сильные чувства, но про которую лишь капитан корабля знает, что она «нанята Ллойдом играть в любовь за хорошие деньги и уже давно плавает то на одном, то на другом корабле».